

Вера Лаврина
ШЕСТИСЛОВИЯ: ПОПЫТКА ЖАНРА

Традиционное японское хайку – семнадцатислоговый стих является кратчайшей из мировых поэтических форм. Его образная система, емкая и выразительная, очаровывает и восхищает, находит своих последователей по всему миру. Во многих странах и на многих языках воспроизводятся национальные варианты хайку. В русской поэзии с 90-х годов прошлого века началось освоение этой поэтической формы: проводятся конкурсы, много лет идут сетевые игры любителей хайку, появились альманахи, интернет-порталы, целиком посвященные хайку. Возникло сообщество поэтов-хайдзинов.

Автор этих строк является также давним поклонником и версификатором японской поэзии малых форм. Слово «версификация» в данном случае является, пожалуй, самым подходящим. Опыт показывает, что в неизменном виде – с 17-слоговой формой (5-7-5), только японцу понятными аллюзиями, с использованием сезонных и «режущих» слов – пересадить хайку на почву русской поэзии не удастся. Уже давно остались в безнадежном меньшинстве сторонники следования 17-слоговой системы. По общему мнению большинства теоретиков хайку, их единая слоговая мера на разных языках невозможна, так как языки сильно отличаются друг от друга средней длиной слов и, следовательно, информационной ёмкостью одинакового количества слогов. Сезонные слова признаются не всеми направлениями даже в современной японской поэзии. Воспроизводимым остается только принцип: максимально кратко передать впечатление и состояние. Словом, мы создаем на русском языке лишь отдаленную версию хайку.

Ощущение себя версификатором сродни тому, что ты щеголяешь в одежде не по росту, не по сезону и не по чину. Или даже острее: будто производишь до некоторой степени контрафактный товар, который не соответствует высоким стандартам оригинала. Это неловкое ощущение не оставляло меня на протяжении многих лет. Оно заставило внимательно отслеживать структуру русскоязычных трехстиший. Я стала обращать внимание на количество слов, достаточных для создания законченного стиха. Внимание проистекало из самой поэтики хайку: немногими словами сказать о многом – построить картину-настроение, несколькими словами вызвать вздох изумления перед открывшейся красотой или драматическим моментом жизни. А насколько немногими? Было интересно посмотреть на поэзию с точки зрения того, как количество слов сказывается на форме. Является ли количество слов формообразующим. И можно ли серьезно об этом говорить. В конце концов в хайку формообразующими элементами тоже являются числа: количество слогов и соотношение 2:1 между слогами, разделенными «режущим» словом. Если мы не можем ориентироваться на количество слогов, то, возможно, количество слов может стать основой оригинальной поэтической русскоязычной формы. И я стала искать формообразующее число для «несколькословий».

Два слова еще не дают возможность создать законченную литературную форму. Пара слов порождает образ, но не может образовать структуру. Одностишия из трех слов уже могут состояться:

И кладбища умирают...
Андрей Правда

В шорт-листе Третьего всероссийского конкурса хайку наткнулась на такое «троеслобие» или, может быть, «трисловье»:

лю
упала звезда
блю
(автор пока неизвестен)

Однако едва ли возможен поток поэтических «троесловий» Стихотворению из трех слов грозит остаться сообщением или трюизмом.

Добавление четвертого слова меняет дело. Четыре слова достаточны для создание кратчайшей в русском языке литературной формы или жанра – поговорки: «Лес рубят – щепки летят», «Делу – время, потехе – час». С четырьмя словами уже возможно создать и поэтическое произведение в стиле хайку. Из интернета я «выловила» интересную миниатюру:

Дернул троллейбус,
Поехали колготки
Белка (Умярова Инна)

В упомянутом уже шорт-листе нашла пару прелестных «четверословий» опять же неизвестных пока авторов:

бросаю
монетку нищему...
орел!

снег кружит
засыпая
стих

Но «четверословие» в силу своей сугубой дихотомичности (два раза по два) скорее всего будет обречено на использование одного и того же приема – противопоставления и сопоставления того, что наблюдается в поговорках из четырех слов. Этому же принципу следует приведенное выше произведение Умяровой.

Для того чтобы создать законченное трехстишие в стиле хайку или вообще кратчайшее поэтическое произведение достаточно бывает, как правило,

пяти (реже), чаще 6-10. Причем наиболее удачными оказываются, немногословные трехстишия, ограничивающиеся именно таким количеством слов. Какое же количество слов является оптимальным для создания кратчайшей поэтической формы? Числа восемь и выше отбрасываем за избыточность, для кратчайшей формы такого количества слов многовато. Но и пять слов сильно ограничивают возможность стихосложения, хотя спонтанно из пяти слов могут возникнуть законченные стихи.

Казалось бы, что на эту роль больше подходит число семь – «семисловия». Действительно, число семь сакрально для многих культур. Причина этого заключается в том, что, как мне кажется, оно содержит в себе абсолютную полноту, всю видимую и невидимую вселенную. Для традиционной культуры мир слагался из двух чисел: 3 и 4: Три обозначало трехчастное устройство мира (верхний, средний и нижний миры). Четыре соответствовало четырем сторонам света. В сумме получается семь. Но число семь нечетное, не обладает симметрией. А симметрия является составляющей гармонии, что для эстетического оформления чувств немаловажно. На мой взгляд, больше всего на роль структурообразующего числа подходит шесть. Шесть слов – это тот минимальный удельный вес, с которого начинается рождение законченной поэтической формы, более короткой, чем хайку.

Когда в интернете появился большой массив хайку русскоязычных авторов, я с удовлетворением заметила, что и у них тоже наиболее удачными являются стихи из шести слов. Более того, победителями первого всероссийского конкурса хайку 1998 года стали тоже шестисловия:

в тени ветвей
скачет
тень воробья
Марина Хаген

В детском конкурсе победителем оказался шестилетний Алеша Киященко с шестисловием:

Речка замёрзла.
Русалки
Катаются на коньках.

Очевидно, шестисловия выделяются из потока пяти-семи-восьмисловий некоторыми имплицитными качествами, которые позволяют им заявить о себе как о самостоятельной форме в русской поэзии. Они обладают, как уже говорилось, симметрией, изоморфностью. Шесть – это два раза по три и три раза по два. Число два и три сакрально для русской культуры. Два напоминает о двойственной природе Христа. Принципу дуальности следуют множество русских пословиц, когда вторая их половина противопоставляется первой. Троекратность воскрешает образ Троицы. Это часто повторяющийся в народном творчестве, в религиозных и магических текстах прием. Троекратное повторение означает утверждение, воскрешение к бытию. Касательно шести

вспоминается также пушкинский шестикрылый серафим как дух и гений поэзии. Чисто шесть тоже обладает полнотой и имеет сакральный смысл: за шесть дней были сотворены мир и человек.

Шестисловия, оставаясь кратчайшей формой, обладают неисчерпаемыми возможностями в создании образа. Для меня стало ясно, что шестисловия могут существовать как самостоятельный поэтический жанр. Но при этом очень остро встала проблема их записи. Напомним, что японские хайку записываются в один столбец, то есть они максимально вытянуты по вертикали. В переводе на русский записываются в виде трехстиший. Долгое время я записывала шестисловия двумя строчками, и не могла отделаться от внутренней неудовлетворенности, которая преследовала меня при взгляде на эти две унылые строки. Потом мне стала ясна природа этой неудовлетворенности. Когда записываешь шесть слов двумя строчками, они растворяются в потоке двухстишей. Но даже не это было главным раздражающим фактором. Запись в две строчки приводила к доминированию горизонтали. Горизонталь «съедала» энергию стиха, «гасила» эмоцию. Запись в три строки возвращала к трехстишию и растворяла шестисловия в «традиционном русском хайку». Я стала пробовать различные варианты записи. И тут на выручку пришла лесенка. Лесенка рождала графическую диагональ, наполненную динамикой. Слова можно было записывать и по одному, и парами, что делает лесенку гибкой формой. Но при этом для стихов с восходящими мажорными настроениями лесенка, устремленная по словам-ступеням к низу не усиливала этот положительный напор, а напротив, как бы сдерживала его. Тогда я попробовала записывать такие стихи восходящей лесенкой. И действительно, восходящая лесенка поддерживала мажорность стиха. Сравните:

травы!	Какое
стрелки	счастье!
первые	пробились
пробились	первые
счастье!	стрелки
Какое	травы!

Сравните также нюансы настроения в шестисловии с другим посылом:

бытия.	Горчит
и радость	с годами
с годами	и радость
Горчит	бытия.

Так появилась нисходящая и восходящая лесенка. С помощью заглавной буквы и точки можно регулировать восходящий и нисходящий порядок чтения. Меня даже порадовало то, что читателю придется отступать от привычного порядка чтения – сверху вниз, нужно будет, преодолевая дискомфорт,

утра.
свежесть
ясную
словами
Не замути

Эмоциональный посыл в вышеприведенном стихе идет от наслаждения утренней свежестью.

отлегла.
легко
тревога
Приснился веселый сон

В предложенной графике слово «отлегла», находится на вершине лестницы и отодвинуто дальше других, как бы «отпуская» весь стих, отложившись от тревоги.

Во многих стихах, связанных с красотой звездного неба, луны, гор, холмов, поверхность листа приобретает не только семантический но и пространственный «верх» и «низ». Взгляд должен подниматься кверху, чтобы увидеть там небо, луну, звезды:

звёзд.
смальтой
сияющей
ночь
пасхальная
Убралась

«Смальта звезд» напоминает о мозаиках древних христианских церквей, и в пасхальную ночь мозаика из звезд весь мир преобразует в храм. В следующем стихе смысл развивается от земного к небесному:

облака.
плывут
от Данте
В анданте

Применяя различные размеры шрифтов можно добиваться дополнительного эффекта.

ЗвездЫ.
зажигаются
как
не просмотри
Вечером

Буквы разной величины и яркости в написании слова «звезды» передают ощущение мерцания звезд. А огромная «луна» должно усилить то необычное впечатление от взошедшего светила, которое как будто приплыло из каких-то иных «нездешних» сфер, а не из нашей солнечной системы.

луна.
взошла
сегодня
вселенной
Со дна

Или такой вариант:

лу
тьмы
из сокровенной
обнажилась
Наполовину

Пропуск букв в последней строке следующего стихотворения передает ощущение слепящего солнца. Это стихотворение тоже может быть записано как восходящей так и нисходящей лесенкой, так как падающий сверху свет солнца отражается и бьет в глаза.

Обкатанные
льдистою водой
к мни сл пят гл за.

В двух последующих стихах пришлось менять порядок слов, чтобы слова «Будда», и «Иисус» оказались на верхней ступени лестницы, любой другой порядок сминал бы внутреннюю организацию, обнаруживал графический промах, ломающий непреложную иерархию.

Будды.
улыбка
будто
день
весенний
Распустился

Иисус.
слышал его
таким
дождя
Шелест

Так пространство бумаги, на котором пишется шестисловие, становится образом мира, в нем появляются верх и низ, глубина и широта, духовная вертикаль и «мирская» горизонталь. С помощью нескольких слов, помещая их соответствующим образом в пространстве-вселенной листа и друг относительно друга, можно нагружать стих семантически значительно больше. Возникает то перекликающийся со смыслом рисунок, образованный записью слов, то поддерживающий эмоцию стиха графический ритм: диагональ. «Верх» может быть «пространственным», географическим, а может быть семантическим. В случае предполагаемого пространственного верха, лесенка повторяет движение взгляда вверх на предлагаемую, описываемую в стихе картинку:

В случае семантического «верха», воздвигается духовная, смысловая вертикаль, на вершине которой помещается аксиологически наиболее значимое слово. В нижеследующем стихотворении нет движения по восходящей, нет и эмоции восходящей, есть ценность смысла, который рождается из трансцендентной беззвучной запредельности.

смысла.
блаженством
расцветала
словами
прорастая
Тишина

Некоторые стихи, не несущие прямолинейно негативной или позитивной эмоции, можно записать как восходящей так и нисходящей лесенкой, что меняет оттенки смысла:

Ветер
дунул
бабочками
разлетелись
последние
листья.

Стихи, заряженные отрицательным смыслом, оказалось предпочтительным записывать, как уже говорилось, нисходящей лесенкой. Точно также особой значимостью обладает слово, которое завершает нисходящую лесенку. Семантически оно должно нести наибольший отрицательный заряд в ряду слов, чтобы усиливать это нисхождение.

Хватит пальцев
чтоб посчитать
жизни
остаток.

Чуть заметным
дрожаньем поджилок
вползает тревога.

На рябинах
алеют раны
день
у-ми-ра-ет.

В дни
ливней
осенних
линяет
луна.

Присутствие луны как будто бы требует восходящей лесенки. Однако осенняя дождливость, выцветание красок, коснувшееся и луны, уныние – все это соответствует нисходящему настроению.

Графические возможности шестисловия не ограничиваются только лесенкой. Форма записи шестисловий может быть разнообразной, более того характер поэтического образа способен рождать особую только данному стиху присущую графику. Эта особенность шестисловий также перекликается с

традициями хайку. Иероглифическая запись хайку графична, очень живописна само по себе, стиль записи несет эмоциональный посыл. Возникшая позже хайга представляла собой соединение рисунка с хайку, то есть сочетает поэзию, каллиграфию, живопись. Аналогом хайга в русской поэзии является стихография (рисование строчкой, словом, буквами) и стихографика (сочетание текста и рисунка, максимально взаимодействующих друг с другом).

Шестисловия предоставляют большие возможности для стихографии, так как слова могут свободно перемещаться по площади листа, образовывать строки разной длины, выстраиваться в особом порядке, создавать нужный рисунок, словом, приближаться к визуальной поэзии.

Мотив качания, петляния, зигзагообразного движения записывается «зубчиковыми» строками:

Солнечным
сбрызнуты
 маслом
 быстрые
 струи
 реки.

небо.
 ветками
мохнатыми
 качают
натужно
 Кедры

В колыбели
 бессонницы
 сердце
 качает
 памяти
 ветер.

Ты целуешь
левую грудь, а правая?

Нижеследующие способы записи шестисловий намекают на отражение или сопоставление:

Луна
среди нахохлившихся туч –
обиженный ребёнок.

Калмычка раскосая юная
а ты
целуешься как?

Обрядилась Писанка речка
ив
нефритовым отраженьем

Ровно		свет.
нарезана		нарезан
тьма.		Ровно

	с Господом
Засыпаю счастливая	
	и мужем.

Шестисловия дают возможность рисовать словами, создавая поддерживающий смысл графический образ:

Шёлковый
свиток заката.
вышит
иглами
сосен.

Колет

ночная тьма
лучами
замороженных
звёзд.

Костлявый клён

клюёт снежинки
обло
манною
веткой.

звёзд.
тайнопись
седая
неба
свиток
нутый
Развёр

Оскомину набили

Лимонным

соком

ис

те

ка

ю

щи

е

фо

на

ри

Вынесение ударных слов за микропространство стиха, подчеркивает разомкнутость, отъединенность, разряженность:

В горестном
неуют
удушьем торчит
пустота.

Стыд перед Богом
мучительный до неприязни.

Плешины
обмороженной земли
залечивают
редкие снежинки.

Использование разных направлений чтения, как представляется, оживляет восприятие текста. Всякий раз добавляется не привычное – слева направо и сверху вниз – а новое движение взгляда. В обретении смысла взгляд читателя должен пройти новый путь, и это момент подлинного сотворчества. В некоторых культурах были приняты несколько направлений письма. Например, египтяне писали иногда в одну, а иногда в другую сторону. Нередко даже помещали один и тот же текст на стелле или саркофаге дважды: слева от рисунка шёл текст слева направо, а по другую сторону рисунка – зеркальное отражение того же текста. Древние греки одну строку писали в одном направлении, а вторую, заворачивая, писали навстречу предыдущей. Стихография таким образом обращает нас к древним пластам культуры.

Сильнейшей мотивацией поиска максимально краткого поэтического жанра послужила придавливающая, чудовищная перенасыщенность культуры текстами, которые давно стали избыточными, но продолжают множиться в космической прогрессии.